

Двадцать лет российской трансформации. ГЛЯДЯ НАЗАД: ВОЗМОЖНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ В РАЗВИТИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Автор: Т. Е. ВОРОЖЕЙКИНА

Через двадцать лет из путинской России горбачевская перестройка выглядит очередной неудавшейся попыткой реформировать российское государство и общество. Страна, хотя и значительно уменьшившаяся в размерах, по существу, вернулась к той же или близкой общественной модели, тупиковое развитие которой породило перестроечные процессы второй половины 1980-х гг. Государство, власть, политический режим по-прежнему претендуют на роль единственной силы, способной интегрировать общество, подавляя при этом любые независимые источники общественной самоорганизации, ликвидируя и ограничивая автономное, негосударственное публичное пространство.

Это особенно очевидно в политической сфере, где практически полностью ликвидировано намеченное в первой половине 1990-х гг. разделение властей как по горизонтали, так и по вертикали. Федеральная исполнительная власть подчинила себе парламент и судебную систему, установила вертикальный контроль в регионах, отменив прямые выборы глав исполнительной власти. Местные органы власти также планируется подчинить прямому контролю назначенных центром губернаторов. Тем самым *de facto* ликвидировано федеративное устройство страны, необходимое условие которого -раздельная легитимность органов власти различных уровней, получаемая на выборах непосредственно от народа. Изменения в законах о выборах, о политических партиях, предвыборные манипуляции общественным мнением привели к фактической ликвидации многопартийной системы. Партийная система в России трансформировалась в систему псевдопартий, отражающих даже не интересы, а различные текущие конфигурации властных кланов, и переставших быть в какой-либо мере институтами представительства для общества. Власть поставила под свой полный контроль телевидение, сократив сферу действия реальной "свободы слова" до нескольких столичных газет и радиостанций, аудитория которых крайне ограничена.

Сложившаяся политическая система в основных своих элементах и блоках или воспроизводит советскую, или ускоренно к ней приближается. Их главное сходство заключается в отсутствии политики как публичной сферы. Единственным отличием пока остается пространство политической свободы и идеологического многообразия на периферии политической системы, в тех ее отсеках, которые власть считает наименее для себя важными. Но и это пространство находится под постоянной угрозой сокращения, поскольку воспроизводимый в России монопольный и моноцентричный тип власти плохо совместим с сохранением неподконтрольных ей, хотя и маргинальных, центров политической активности.

Даже в экономической сфере, где за прошедшие 20 лет произошли наиболее радикальные изменения - переход от плановой экономики к рыночной, государство также восстанавливает свое господство. Частная собственность, рынок ограничены целым

Ворожейкина Татьяна Евгеньевна - преподаватель Московской высшей школы, социальных и экономических наук.

рядом формальных и главное неформальных правил и установлений, которые реально подчиняют эту собственность контролю государственного чиновника. Создана всеобщая и эшелонированная система, при которой частный предприниматель всегда вольно или невольно нарушает закон и всегда бесправен перед государственными органами, которые навязывают ему противоречащие друг другу и заведомо невыполнимые требования. Соблюдать закон и правила фатально невыгодно, их мало кто соблюдает, - и такое положение явно устраивает чиновничество, власть и государство. Власть, государственные структуры, чиновники получают за это свою долю и всегда могут использовать несоблюдение закона в качестве "дубинки" против уклоняющихся от выплаты дани или стремящихся стать излишне самостоятельными.

Это не государственный контроль над экономикой, если понимать под государством систему публичных институтов. Это контроль, господство приватизированных государственных структур, делающих принципиально непрозрачными отношения власти и собственности. Единство власти и собственности, нерасчлененность властно-собственнических элит превращает коррупцию в системную, несущую конструкцию всего экономического механизма, без которой невозможно его взаимовыгодное - для власти и бизнеса - функционирование. Эта система отличается от советской рыночным характером экономики. Однако приватизация в России не сопровождалась становлением института частной собственности, который функционировал бы по публичным, общепризнанным, деперсонализированным и единым для всех правилам. Напротив, реальное право собственности в России, надежность положения собственника зависят не столько от эффективности его экономической деятельности, сколько от близости к власти и характера отношений с ней. Плохие отношения с властными инстанциями любого уровня чреваты для собственника избирательным применением закона, благо всегда есть, за что его применить. Собственность в России по-прежнему функционально связана с властью. В путинский период эта связь существенно укрепилась.

Самые серьезные изменения по сравнению с советским периодом произошли в социальной системе. Это не только переход от уравнительного перераспределения доходов к их концентрации и поляризации, но и постепенно нарастающий лавинообразный сброс государством большей части, если не вообще всей, социальной ответственности перед личностью и обществом. Такой переход не вызвал не только социального взрыва, которого боялись в начале 1990-х гг., но и сколько-нибудь серьезного сопротивления. Поэтому, в отличие от сходной ситуации в латиноамериканских странах в 1960-е - 1970-е гг., это не потребовало от власти массового применения репрессий. Авторитарный режим, становление которого в России связано прежде всего с политическими закономерностями функционирования системы власти, оказался способен блокировать и социальные требования низов, в особенности их политическое оформление. Массовые выступления против монетизации льгот в начале 2005 г. представляют собой первое столкновение нынешней власти с наиболее ущемленной частью населения, отстаивающей свои социальные права и свое человеческое достоинство. До сих пор власть избегала применения насилия, ограничившись первоначальными угрозами в адрес "подстрекателей и зачинщиков". Если, однако, этот протест будет усиливаться по мере дальнейшей реализации социальных реформ (жилищно-коммунальной, образования и здравоохранения), искушение использовать воссозданный за последние годы репрессивный аппарат будет нарастать.

За прошедшие 20 лет не произошло существенных изменений в массовом типе российского (советского) человека. Этот тип воспроизводится и в массах, и в особенности в интеллектуальной элите, став главной опорой российской власти. В каждый данный момент власть представляется российской интеллигенции либо безальтернативной, либо лучшей из возможных, поскольку все остальные будут заведомо хуже. Правительство у нас во все времена - "единственный европеец", и только "от него зависит не быть еще во сто раз грубее", как писал А. Пушкин П. Чаадаеву еще в 1836 г. [Пушкин, 1978, с.335].

По основным параметрам социального развития Россия вернулась в ту, говоря словами А. Аузана, "колею", в которой она находилась в предшествующие пять веков своей истории [Аузан, 2005]. Можно ли рассматривать перестройку как попытку выйти из этой колеи? Если да, то был ли переживаемый ныне итог перестройки и последующе-

го периода преобразований неизбежным, предопределенным историей и типом социального развития страны? Или период 1985 - 1991 гг. стал исторической развилкой, когда возможны были различные варианты выхода из кризиса, в том числе такие, которые позволили бы обществу сформировать автономные по отношению к государству механизмы экономической и политической жизни? Если альтернативы существовали, то какие тенденции, факторы, события периода перестройки способствовали восстановлению господства государства над обществом и возвращению общества в атомизированное состояние?

С моей точки зрения, в 1988 - 1991 гг. возникла и до 1996 г. сохранялась возможность выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития (*path dependency*). Конечно, между перестройкой и путинским режимом еще лежали 1990-е гг., когда мы также проходили важные исторические развилки, но наиболее важные точки бифуркации были, по-видимому, пройдены в конце перестройки (в 1989, 1990, 1991 гг.). Именно перестройка была периодом общественного сдвига и одновременно общественного подъема, когда определялись глубина и масштабы последующих изменений. 1990-е гг., скорее всего, лишь придали форму этим изменениям.

Ретроспективно можно представить себе несколько вариантов развития перестроечных процессов. Первым из них могла бы быть постепенная эволюция экономической и политической системы в направлении ее либерализации без потери контроля и управляемости со стороны правящих групп путем последовательного смещения внутреннего баланса власти в пользу реформистской ("прорыночной") части номенклатуры. М. Горбачев понимал перестройку как трансформацию советской системы изнутри, которая сделала бы эту систему более эффективной в политическом и особенно в экономическом отношении и позволила бы преодолеть нараставшее отставание от Запада. Именно это было стратегической целью Горбачева, "планом" перестройки, если у нее вообще мог быть какой-то план. (С моей точки зрения, отсутствие у реформаторов сколько-нибудь внятного плана реформ, а его и не могло быть, не означает, что перестройка в целом не может быть определена как реформа или попытка реформы.)

Насколько реалистичным был этот план, мог ли реализоваться подобный вариант развития? Была ли возможной успешная модернизация советской системы без слома структур государственного управления, как это произошло в 1991 г.? Могла ли политическая система, близкая к сложившейся в России в 2000 - 2004 гг., возникнуть из поступательной, некатастрофической эволюции перестройки - перехода к администрируемому рынку при сохранении единства власти и собственности и к авторитарному режиму, легитимированному через избирательную процедуру? Был ли, иначе говоря, возможен в Советском Союзе так называемый "китайский путь" - постепенная рыночная трансформация экономики, осуществляемая под контролем государства, без потери управляемости и без радикальной реформы старой политической системы?

Этот вопрос распадается на несколько составляющих: экономическую, социально-экономическую и политическую. Первая из них касается последовательности этапов экономической реформы: в Китае она была начата в 1978 - 1979 гг. с радикальной деколлективизации сельского хозяйства, что практически не потребовало от государства дополнительных затрат и принесло очень быстрое улучшение ситуации с продовольственным снабжением населения. Денежные средства, накопленные в сельскохозяйственном секторе, стали затем одним из важнейших источников финансирования реформы промышленности (и остаются таковыми до сих пор).

В Советском Союзе попытались начать с ускорения в наиболее капиталоемких отраслях тяжелой промышленности, что потребовало колоссальных государственных капиталовложений, отдача от которых, даже в случае успеха, была бы гораздо медленнее и не сказалась бы непосредственно на экономическом самочувствии населения. В реальности же колоссальные средства, вложенные в ускорение, разбалансировали экономику и стали одним из факторов роста инфляции в конце 1980-х гг.

Почему в СССР начали реформу с промышленности? Было ли это результатом идеологической зашоренности, порожденной статусом великой военной державы, или же неверием в то, что советское колхозное крестьянство, которому коллективизация и по-

слевоенное восстановление сломали хребет, можно перевести на путь рыночного фермерского хозяйства? Кроме этого, в СССР существовал огромный слой сельскохозяйственной бюрократии и партийной номенклатуры, который в случае деколлективизации сельского хозяйства становился излишним. Его сопротивление введению арендного подряда уже в 1987 г. показало, что эти люди готовы защищать свою власть, поскольку именно с ней было связано их экономическое благополучие.

На мой взгляд, сложившуюся в СССР систему единства власти и собственности было практически невозможно трансформировать по китайскому образцу, то есть постепенно реформируя отношения собственности. Такой ход событий неизбежно грозил номенклатуре потерей власти, статуса и экономического могущества. Именно в этом состоит социально-экономическая составляющая, блокировавшая "китайский путь" реформ в СССР. Горбачев был вынужден начать демократическую реформу, то есть привлечь население активно участвовать в попытке ослабить власть номенклатуры, что позволило бы затем уменьшить ее экономическое могущество. Введя конкурентные выборы в 1989 - 1991 гг., Горбачев неизбежно и вопреки своим намерениям создал ситуацию, позволявшую, как считает американский исследователь Дж. Хаф, голосовать за популистов, то есть мобилизовывать население против болезненных экономических реформ [Hough, 1997].

Можно ли было избежать этой ситуации на пути установления "умеренно авторитарного режима"? Мог ли Горбачев установить такой режим в 1985 - 1986 гг., когда он еще сохранял управляемость процессом? Такое развитие событий представляется маловероятным: для этого Горбачеву нужно было бы примирить непримиримое, а именно: создать эффективный авторитарный режим из той партийной номенклатуры, которую он, собственно, и собирался реформировать, - другого материала для строительства такого режима у него не было¹. Для того чтобы осуществить впоследствии переход к такому режиму, номенклатуре потребовалась встряска, изначально вызванная обращением Горбачева за поддержкой к обществу. Сделанный Горбачевым на рубеже 1986 - 1987 гг. выбор в пользу политической демократизации снял с повестки дня такой вариант развития перестройки.

Второй вариант возможного развития перестройки по своим гипотетическим результатам противоположен первому и может быть охарактеризован как демократическая трансформация разложившегося в 1960-е - 1980-е гг. советского тоталитаризма. Существовала ли такая тенденция в реальности и на какие силы она могла опереться? Почему наметившийся в 1988 - 1989 гг. союз части реформаторской номенклатуры с демократическим общественным движением оказался столь непрочным? Было ли это связано, как считали радикальные демократы, с нерешительностью партийных реформаторов и в первую очередь Горбачева с его стремлением любой ценой избежать обострения политического конфликта в условиях начавшегося в 1990 г. открытого противостояния с консервативной частью номенклатуры? Или же, напротив, причина была, как пишет Горбачев в своих воспоминаниях, в стремлении радикальных демократов форсировать процесс реформ, не считаясь с последствиями, и прорваться к власти [Горбачев, 1995, с. 522 - 523]? Можно ли вообще говорить о существовании демократического общественного движения в период перестройки? Большинство исследователей отмечает его крайнюю слабость и неструктурированность или вообще считает его мифом. По мнению Л. Гудкова, "для понимания природы последующих процессов важно указать на отсутствие сколько-нибудь значимой демократической мобилизации, массовых социально-политических движений в стране, которые могли бы вылиться в создание новых политических форм и институтов" [Гудков, 2004, с. 264]. Как измерить значимость и достаточную массовость демократической мобилизации? В 1990 - 1991 гг. на улицы Москвы, Ленинграда и других крупных городов по призыву демократических организаций выходили десятки и сотни тысяч людей. Почему этот потенциал не был

¹ Столь же малореальной представляется и изначальная ориентация реформаторов на "эволюционный слом тоталитаризма через тоталитарную партию с использованием ее принципов централизма и дисциплины, но с опорой на ее протестно-реформаторское крыло" [Яковлев, 2000, с. 10].

использован для создания новых демократических институтов, как это произошло в странах Центральной и Восточной Европы?

На мой взгляд, можно говорить о массовом демократическом движении в **1989- 1991** гг. Оно было крайне разнородным по составу, неравномерно распределенным географически, но оно существовало. В него входили различные неформальные движения - от экологических до многочисленных общедемократических и социалистических организаций. Клубы избирателей в 1989 - 1990 гг. играли очень важную роль в мобилизации демократического движения. Однако, как отметил Ю. Левада, конкурентные выборы 1989 - 1991 гг. (народных депутатов Союза, России, президента России) не оказали прямого влияния ни на государственное управление, ни на расстановку политических сил [Левада, 2004].

Я думаю, что это произошло главным образом потому, что массовая демократическая мобилизация этого периода рассматривалась лидерами демократического лагеря чисто инструментально, как средство давления в их борьбе за доступ к рычагам государственного управления. Сама политическая сфера трактовалась ими исключительно как сфера управления. Вопрос о ее демократической трансформации и институционализации практически не ставился. Демократам важно было прийти к тем рычагам власти, которые существовали в Советском Союзе, с тем, чтобы, используя их, осуществить экономическую реформу, которая воспринималась как самодостаточная, как субститут демократического проекта как такового. Фигура Б. Ельцина, ставшего в **1989- 1990** гг. лидером демократического лагеря, весьма символична для этого проекта.

Столь же инструментально относился к демократическому движению и Горбачев. В 1987 - 1988 гг. он потратил массу сил, чтобы разбудить энергию народа в поддержку перестройки. Когда же эта энергия пробудилась в 1989 г., он не знал, что с ней делать. Он искренне считал, и это хорошо видно по его воспоминаниям, что демократическое движение должно быть именно движением поддержки, он не воспринимал его как самостоятельного политического актора. Это стало абсолютно очевидным на I Съезде народных депутатов СССР: политической вселенной Горбачева был Центральный Комитет КПСС, в его рамках он практически всегда достигал своих целей. Новая политическая вселенная, возникшая в результате выборов 1989 г., оказалась ему неподвластной, то искусство аппаратного компромисса и давления, которое работало в ЦК, здесь оказывалось бесполезным.

Такая ситуация ослабляла демократическое движение изнутри. Возникавшая в 1990 - 1991 гг. политическая сфера, органы власти и управления Российской Федерации в первую очередь "втянули" в себя наиболее активные элементы неформальных демократических движений конца 1980-х гг., ослабив тем самым потенциал низовой, непартийной демократии. Следствием такого развития событий стало выхолащивание демократического потенциала и политических институтов, и неполитической публичной сферы. Быстрая, катастрофическая трансформация в условиях кризиса породила такое политическое общество в России, которое с начала 1990-х гг. все больше препятствовало развитию общества гражданского. Как показывает опыт латиноамериканских стран, в частности Бразилии и Мексики, постепенное накопление сил организациями гражданского общества в условиях слабеющего и теряющего контроль авторитарного режима более плодотворно для последующего демократического развития, чем быстрая и радикальная политическая реформа, при которой новые демократические институты столь же быстро и неизбежно наполняются старым содержанием.

Я думаю, что вариант демократической трансформации, опиравшийся на союз реформаторской части номенклатуры и демократического движения, был вполне вероятен. То, что он не состоялся, связано не с историческим предопределением, не с отсутствием или слабостью демократического движения (хотя, несомненно, оно было слабым), а с субъектной недостаточностью лидеров как реформаторской части номенклатуры, так и демократического движения. С тем, что логика сиюминутной политической целесообразности заставляла обе стороны использовать советские средства политической борьбы, лишив их сколько-нибудь долгосрочной демократической перспективы. Воз-

возможности такого союза были исчерпаны к осени 1990 г., и я думаю, что ответственность за это лежит на обеих сторонах.

Третий из возможных вариантов развития перестройки реализовался в действительности. Это неуправляемое нарастание противоречий системы - экономических, социальных, политических, межнациональных. Советская система вертикальной организации государства и общества оказалась не в состоянии переварить и адаптировать те новые элементы экономического и политического плюрализма (хозрасчетные предприятия и кооперативы, альтернативные выборы в Советы, гласность), которые внедрялись для ее усовершенствования. Под воздействием чужеродных факторов система начала давать сбои, вошла в кризис и затем обрушилась в 1991 г. Было ли обрушение системы государственной власти в 1991 г. революцией, как считают некоторые западные исследователи [Hough, 1997; McFaul, 2001], или же речь шла об очень глубоком кризисе структуры, основные несущие элементы которой, тем не менее, сохранились?

Система распалась, как картинка в калейдоскопе, однако важнейшие, несущие элементы, из которых складывалась старая картинка, не изменились. Восстановившись, "регенерировав" в 1990-е гг., эти элементы (в первую очередь, единство власти и собственности, а также и сохранившиеся практически в нетронутом виде репрессивные органы) соединились в новой системе, где власть смогла к 2004 г. восстановить практически полный контроль над обществом и общественным мнением, над средствами массовой информации, над органами представительной власти, над выборами. Быстрый, радикальный слом предшествующей системы оказался - в который раз уже в российской истории - наименее эффективным с точки зрения преодоления зависимости от траектории предшествующего развития.

Повторю еще раз: я не считаю такой результат перестройки предопределенным. Каждый из перечисленных вариантов развития способен был реализоваться. Можно спорить о том, каковы были шансы каждого из них. Я считаю, что лишь второй вариант мог привести к реальным преобразованиям взаимоотношений общества и государства, или точнее - к началу таких преобразований, которые могли бы создать в обществе устойчивые механизмы самоорганизации. Первый и третий варианты являются, с моей точки зрения, воспроизведением традиционного типа российского развития и не могли вывести за его пределы исторически присущих России взаимоотношений власти и общества.

Я думаю, что альтернативность сохранялась и после перестройки. Несомненные точки бифуркации были пройдены в 1993, 1996, 1998 - 1999 гг. А. Аузан считает, что важнейшая точка бифуркации была пройдена в 2003 г. [Аузан, 2004]. С моей точки зрения то, как она была пройдена, было решено в 1999 - 2000 гг., когда вторая чеченская война и массовая поддержка ее населением позволили сложиться тому типу государственной власти, которая и не могла принять иных решений осенью 2003 г. Это, однако, не отменяет в принципе альтернативности развития. Наличие или отсутствия альтернативы зависит от формирования ее субъекта, поскольку историческая альтернатива всегда продукт субъектного действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А. А. Кризис ожиданий и варианты социального контракта // *Общественные науки и современность*. 2004. N 5.
- Аузан А. А. *Общественный договор и гражданское общество* (<http://www.polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>).
- Горбачев М. С. *Жизнь и реформы*. В 2 кн. Кн. 2. М., 1995.
- Гудков Л. Д. *Негативная идентичность*. М., 2004.
- Левада Ю. А. "Человек советский" 1989 - 2003. Размышления о "большинстве" и "меньшинстве" // *Вестник общественного мнения*. 2004. N 5.
- Пушкин А. С. *Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 10. М., 1978.
- Яковлев А. М. *Омут памяти*. М., 2000.
- McFaul M. *Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin*. Ithaca-London, 2001.
- Hough J.F. *Democratization and Revolution in the USSR (1985 - 1991)*. Washington, 1997.